

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/49/1

Г.Г. Антух

ОЧЕВИДНОСТЬ, МЫШЛЕНИЕ, СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ¹

Рассматривается проблема соотношения логико-теоретического и логико-психологического содержания мышления. Отправной точкой исследования выступает вопрос о природе очевидности в познании. На примере концепции чистой логики Э. Гуссерля демонстрируется роль очевидности в обосновании логико-теоретического знания. Критикуется принцип аналитической достоверности тождественных предложений с проблематизацией различия между чистой рациональностью и реальными условиями логического правилоприменения. Обсуждается связь языка и мышления в контексте релятивистского аргумента «позднего» Л. Витгенштейна.

Ключевые слова: *очевидность, релятивизм, скептицизм, логика, мышление, парадокс следования правилу.*

Существует ли достоверное знание о мире? Примерно так может быть сформулирован один из центральных вопросов метафизики и эпистемологии. По одной из версий, достоверное знание о мире возможно, и в основе такого знания лежит *очевидность*. Скажем, имеет ли смысл сомневаться в том, что $2 + 2 = 4$, если это и так очевидно? В этом, справедливо заметить, не было бы никакого смысла, если не брать в расчет возражение, следующее после: *пусть верно, что в основе познания лежит очевидность, но так ли очевидно само знание о том, что в основе познания лежит очевидность?* Думается, это не так уж и очевидно. Независимо от этого, понятие очевидности занимает важное место в философских дискуссиях. В различных концепциях очевидному знанию приписываются свойства истинности, достоверности, точности, простоты, ясности, непротиворечивости, полезности, объективности и т.д. Особое значение следованию очевидности придают сторонники идеализма в метафизике и рационализма в эпистемологии. В таких учениях очевидные положения принимаются в качестве непреложных истин, определяющих границы реальности и возможности познания. В частности, идею об очевидности фундаментальных истин, доступных непосредственно или же при помощи интеллектуальной интуиции, разделяли такие новоевропейские философы, как Р. Декарт [1], Б. Спиноза [2], Г. Лейбниц [3], И. Кант [4] и др. В философии XX в. учение об очевидности с позиций объективного идеализма развивал основоположник феноменологии Э. Гуссерль, внесший огромный вклад в развитие феноменолого-герменевтического проекта, не исчерпавшего своей значимости до сих пор [5].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

Очевидность и основания логики

В своих ранних исследованиях Гуссерль защищал автономность логико-математического знания и выступал против эмпирико-натуралистического истолкования точных наук. В работе «Пролегомены к чистой логике» (1900) философ ставит вопрос об онтологических основаниях логики и связи идеального объективно-логического содержания мышления с реальными субъективно-психологическими условиями познания [6]. В логике Гуссерль видит независимую от естественных наук фундаментальную теоретическую дисциплину, законы которой с очевидностью усматриваются из самого понятия истины и выполняют нормативную функцию в познании. Данный взгляд на природу логического знания, по мнению немецкого мыслителя, позволяет избежать релятивизма и следующего за ним скептицизма, с которыми связана натуралистическая трактовка познания. Подчеркивая необходимость преодоления парадоксальных следствий натурализма в философии логики, Гуссерль наделяет логические законы характеристиками идеальности и объективности, решая, таким образом, вопрос об онтологическом статусе логико-теоретического знания в пользу субстанциональной автономии объективного единства идеально-логических закономерных связей, познаваемых а priori и усматриваемых в своей всеобщности повсеместно и с необходимостью. Иные способы интерпретации логических принципов, отсылающие к опыту (будь то субъективное или объективное содержание опыта) и индукции, в силу относительности и случайности эмпирического знания недопустимы. Отметим, что схожие воззрения разделял менее известный современник Гуссерля – Г. Фреге, идеи которого сегодня активно обсуждаются в логико-философской литературе [7].

В общем виде, говоря о несостоятельности натуралистической трактовки логики, Гуссерль ссылается на самопротиворечивость релятивизма. Релятивизм в своей радикальной форме утверждает относительность всякого рода суждений: *что при одних обстоятельствах может быть истинным, при других таковым может и не быть*. Следует полагать, что, если всякое знание относительно, относительно и логико-теоретическое знание. По существу, сообщая нам о формальных основаниях мышления и способах вывода, логика, с одной стороны, высказывается не только о том, как должны быть устроены все остальные суждения, но и том, как должны быть устроены суждения самой логики, с другой стороны, будучи теоретической дисциплиной, описывающей идеальные виды, логика все же высказывается определенным образом о мире, частью которого она и является. Фактически, в случае признания относительности логико-теоретического знания, следовало бы согласиться с тотальной непознаваемостью мира в том смысле, в котором ни одно суждение об этом мире (раз уж основные понятия логики, такие как, например, «истина» или «суждение», признаются относительными) нельзя считать очевидным. Нетрудно понять, что в мире, в котором относительно всякое утверждение, теряет смысл какое бы то ни было теоретико-познавательное позиционирование, и в первую очередь скептико-релятивистское, поскольку утверждаемое им в качестве частного случая указывает на относительность собственного содержания. Схематично это можно увидеть на следующем примере: *если ни одно суждение о мире не истинно, то неистинно и сужде-*

ние о том, что ни одно суждение о мире не истинно. Таким образом, за простотой и ясностью аргумента Гуссерля о самопротиворечивости релятивизма следует весомый довод против натурализма в философии логики. Закрепив за логическим знанием статус объективного единства идеальных закономерных связей, немецкий философ показал возможность непротиворечивой трактовки логики. Однако, ответив на вопрос об онтологических основаниях логико-теоретического знания, ему не удалось с той же элегантностью формулировок разъяснить вопрос о связи логико-теоретического и логико-психологического содержания познания. Проще говоря, Гуссерль не объяснил, каким образом человек познает идеальные виды и доступны ли они познанию вообще.

Чистая рациональность

Основу отстаиваемого Гуссерлем априоризма составляют законы *чистой рациональности*. Первые, наиболее общие и необходимые, принципы мышления последовательно учат однозначности полагания ($A = A$), запрещают многозначность суждений ($A \neq \text{не-}A$) и определяют границы двужанной логики (A или $\text{не-}A$). Все остальные понятия и суждения логики с аналитической достоверностью следуют из данных принципов, положения которых, в свою очередь, дедуктивно выводятся из наиболее фундаментального понятия – понятия истины. Стоит заметить, что понятие истины в данном случае никак не соотносится с реальными [физическими] предметами или отношениями между ними, а также ничего не сообщает о состояниях сознания или процессах мышления. В противном случае это означало бы обращение к парадоксальной натуралистической установке, которая, как уже было показано, приводит к противоречию. Что же тогда представляет собой истина? И каким образом она доступна познанию, если ее нет в физическом мире и она не связана с психическими процессами и психологическими феноменами? На данные вопросы Гуссерль отвечает следующим образом.

Несмотря на то, что содержание понятия истины указывает на идеальные отношения между вещами, а значит, сама истина недоступна реальному познанию, сведения о ней черпаются из необходимых предпосылок мышления, важнейшей из которых выступает очевидность (*Evidenz*). В общем виде очевидным называется такое знание, за однозначностью и простотой которого не остается и малейшего повода к сомнению. Впрочем, даже самой глубокой убежденности свойственно иметь две стороны: субъективную и объективную. Понимая это, Гуссерль проводит различие между психологическим и логическим содержанием понятия очевидности. В первом случае речь идет о реальных антропологических и субъективно-психологических условиях познания, во втором – о связи формальных оснований бытия истины с мышлением. Именно логическая очевидность позволяет с аподиктической достоверностью говорить о незыблемости логико-теоретического знания. Убедиться в этом достаточно просто. Предположим, фиксация очевидности того или иного знания связана с какой-либо антропологической или психологической переменной. Как часто в таком случае нам удавалось бы иметь в отношении обсуждаемого предмета одни и те же мнения, если бы причинами их являлось то или иное состояние ума, индуцированное состоянием психики и / или функционированием мозга? Во-первых, данные состояния не могут быть

идентичными у различных людей, поскольку и состояния психики, и нейрофизиологические процессы – вещи сугубо индивидуальные. Во-вторых, даже в границах отдельно взятой познающей индивидуальности состояния эти изменчивы. Конечно, сейчас для меня очевидно, что квадратный корень из 121 равен 11, но требовать, скажем, от ребенка, не научившегося считать до десяти, той же ясности суждений я не могу. А что если и я сам в определенных обстоятельствах (например, в бреду или во сне) утрачу возможность судить об этом ясно? Таким образом, очевидность с точки зрения реального субъективно-психологического содержания познания в силу ее относительности нельзя рассматривать в качестве основания логико-теоретического знания. Преодолеть данную трудность возможно, лишь обратившись к формально-логическому содержанию очевидности, исключаяющему связь логической теории с субъективными мотивами познания.

С позиции формального содержания мышления очевидность выступает вероятностным коррелятом истинности суждений, где под истинностью понимается возможность установления отношения между очевидностью и формой суждения. Если есть некоторое A , рассуждает Гуссерль, то есть вероятность, что A истинно, и это очевидно. Например, если есть утверждение «Вода – это H_2O », то с чисто формальной точки зрения существует вероятность того, что данное выражение описывает реальное положение вещей, а значит, может быть очевидным в тех или иных обстоятельствах. Иными словами, истина заключается даже не в том, что вода – это H_2O , а в том, что для всякого рода вещей, о которых мы судим, в том числе и для того, что описывается высказыванием «Вода – это H_2O », существует вероятность очевидности. В применении к логическому знанию очевидность определяется взаимосвязью логико-теоретических принципов с *положениями очевидности*. Для примера возьмем закон транзитивности в следующей формулировке: *Если все A суть B , а все B суть C , то все A суть C* . Преобразуем данный принцип в положение очевидности так, как это предлагает Гуссерль: *Очевидность известной истины «все A суть C », имеет возможность быть справедливой для умозаключения с предпосылками форм «все A суть B » и «все B суть C »*. Как видно, между положением очевидности и логико-теоретическим принципом действительно существует корреляция. Исходя из этого, Гуссерль делает предположение о возможности установления непротиворечивой связи между логико-теоретическим и логико-психологическим содержанием мышления. В одной из предыдущих работ было показано [8], что данный подход к обоснованию логики эпистемологически непоследователен. Состоятелен ли он с логической точки зрения?

Пусть положения очевидности логико-теоретических принципов выступают реальным коррелятом достоверности логического знания. Спросим, должно ли предъявляться требование логической непротиворечивости к положениям очевидности логико-теоретических принципов? Разумно предположить, что правило логической непротиворечивости следует соблюдать всегда, когда нам приходится рассуждать логично. Теперь нужно подумать о следующем: должно ли правило логической непротиворечивости соблюдаться в отношении самого правила логической непротиворечивости? И как связаны положения очевидности логико-теоретических принципов с положениями чистой рациональности в то время, когда и первые, и вторые принципы в

мышлении подчиняются одним и тем же правилам, а именно принципам чистой рациональности? Допустим, закон непротиворечия гласит: *из двух контрадикторных суждений только одно является истинным*. Из этого следует, что *очевидностью может отличаться только одно из двух контрадикторных суждений*. Но так ли это очевидно? Это очевидно лишь в той степени, в какой это логично, а логично, потому что очевидно. Речь, в конце концов, только о том, что положения очевидности логико-теоретических принципов имеют значимость лишь в случае значимости логико-теоретических принципов, которые, как предполагается, можно считать очевидными только в случае значимости положений очевидности. По всей вероятности, мы можем признать нечто данное логичное очевидным только тогда, когда нечто данное очевидное – логично. А что в итоге считать достоверным? То, что логично, или то, что очевидно? Как оказывается, ответить на этот вопрос однозначно нельзя.

Логика и мышление

В разное время идеалом рационального познания считалась *математическая дедукция*, а эталоном научной строгости – евклидова геометрия. Полагаясь на принципы чистых основоположений рассудка, философы стремились к открытию достоверного знания о мире. И зачастую случалось так, что за открытием подобного знания не следовало ничего, кроме «парадоксальной» очевидности. И в самом деле, есть ли хоть какой-то позитивный толк в подобных утверждениях: «Свершившееся не может быть несвершенным», «Если от равных частей отнять равные, останутся равные части», «Все происходящее имеет свою причину», «Из ничего ничего не бывает», «Целое больше своих частей» и т.д. Существует мнение, что данные предложения не несут никакой информативной нагрузки, пусть даже они и помогают мыслить ясно в тех обстоятельствах, когда неинформативная очевидность заменяет информативную путаницу.

Существует и отличное мнение. В частности, Лейбниц был убежден, что основная задача *анализа* как метода познания заключается в прояснении истинности суждений. Знание о мире может быть выражено либо в суждениях субъект-предикатной формы (S есть P), либо в предложениях, которые к данной форме возможно привести. Условием истинности данного знания выступает тождество субъекта и предиката. Для примера рассмотрим доказательство положения «Свершившееся не может быть несвершенным». Руководствуясь наставлением Лейбница, нам следовало бы рассуждать так: свершившееся (A) по определению есть то, что свершилось (A); несвершившееся ($\text{не-}A$) – то, что не свершилось ($\text{не-}A$). Согласно *аксиоме тождества*, всякая вещь может мыслиться только тождественной себе. Вывод: свершившееся может быть только свершенным ($A = A$), а значит, не может быть несвершенным ($A \neq \text{не } A$). Что и требовалось доказать. Таким образом, условием очевидности и критерием истинности знания рационалист Лейбниц выбирает аналитическую достоверность тождественных высказываний, замечая при этом, что «тождественные предложения являются первыми из всех и не допускают никакого доказательства, будучи тем самым истинными сами по себе» [3. С. 139]. Впрочем, с этим трудно поспорить, разве только спросив, что значит быть «истинным самим по себе» и что, по сути, представляет собой «тождественность»?

Правило 1. Никакая вещь не может мыслиться в отношении с собой

Что значит «быть тождественным себе»? Предполагает ли данный способ употребления языка обратное – то, что существует нечто, *нетождественное себе*? Как мне следует понимать выражения типа: $A = A$, $5 = 5$, $a + b = b + a$ и т.д., и почему для меня они должны быть очевидными? Существует ли хоть что-то за выражением $A = A$, что помогло бы мне убедиться в том, что *это* действительно так? Проще всего согласиться с Лейбницем и отказаться от попытки эксплицировать эпистемологические основания тождественности за недоказуемостью тождественных предложений, согласившись при этом с якобы указывающим на истинность исследуемой пропозиции «признаком» аналитической достоверности. Однако что, в позитивном смысле, я получу от признания такого рода достоверности, помимо повторения имени предмета? Допустим, если $A = A$, ничто не ограничивает меня утверждать, например, что $A = A = A$ и даже что $A = A = A = A \dots = A$ n раз. Обозначают ли выражения « $A = A$ » и « $A = A = A$ » одно и то же? Имеет ли смысл тавтология? Логические позитивисты, в частности, давали отрицательный ответ на этот вопрос, отмечая, что тавтология не является суждением, в ней ничего не утверждается, а значит, и никакого смысла она не несет. Что в таком случае доказывает тождество, если в нем нет смысла?

Важно понять, является ли тождественность «свойством». Пусть передо мной лежат две равноценные монеты. Могу ли я сказать, что они тождественны друг другу? Разумеется, нечто подобное можно было бы сказать в отношении номинальной стоимости денег. Это тем не менее никак не затрудняет понимание того, что в физическом смысле данные монеты друг другу не тождественны. Для убедительности я всегда могу сослаться на явное различие двух объектов, указав на следующие признаки: даты на чеканке свидетельствуют о том, что монеты выпущены в разное время, у них свои потертости и царапины, более того, здесь и сейчас они занимают определенное место в пространстве – каждая свое. Теперь обратим внимание на одну из монет и спросим: тождественна ли она сама себе? Здравый смысл, подкрепленный законом тождества, подсказывает, что иначе как утвердительно ответить на поставленный вопрос невозможно. Но это и так ясно. Не совсем ясно следующее.

Согласно принципу непротиворечия, ни одна из вещей не может быть тождественна другой вещи. Верно ли тогда, что «быть тождественным себе» означает *не* быть тождественным ничему, кроме единственной вещи – той, о которой идет речь? Если речь идет о монете, которая сейчас передо мной лежит, то, согласившись с наличием у нее такого признака, как «тождественность себе», я вместе с тем вынужден признать ее нетождественной ни одной вещи в мире, не считая той, которая передо мной сейчас лежит. Тогда я спрашиваю: что остается от тождественной себе вещи, помимо тождественности ее самой себе? Иначе говоря, через какие признаки задается «тождественность вещи самой себе», если никаких признаков, не считая идентичных, по определению быть не может? Предположим, если мы говорим о том, что Швеция на карте Европы располагается севернее Польши, то мы, так или иначе, разделяем убеждение, согласно которому между Польшей и Швецией

существует соизмеримое с определенной величиной различие, обозначенное признаком «севернее». Аналогично в высказывании «Длина реки Амазонки на сотни километров превышает длину реки Янцзы» сообщается об определенном различии в соотношении физических признаков двух объектов. Отсюда я делаю вывод, что всякое реальное отношение между вещами складывается из различия между ними. Правильно ли тогда говорить о тождественности как об отношении между вещами, если никаких различий между таковыми в случае тождественности не предполагается, да и никаких вещей не предполагается, если не считать ту, о которой идет речь?

Правило 2. Никакая вещь не может мыслиться через отрицание собственной противоположности

Рассмотрим эту проблему с другой стороны. Может показаться, что тождественность немислима, но декларируема. Есть ли в такой декларации хоть что-то содержательное? Как мне, положим, объяснить собеседнику, не владеющему русским, значение слова «стул» без того, чтобы соотнести значение данного слова с другими объектами (значениями), и без демонстрации объекта, именуемого «стулом»? Я не могу просто сказать: «Стул есть стул». Из этого ничего не следует. Тождественность не только неинформативна, она непредставима. Представима ли «нетождественность»? Нельзя сказать, что данный стул не тождествен себе, можно сказать, что данный стул не тождествен стулу в соседней комнате. Но будет ли в этом хоть какой-то смысл? Допустим, кто-то берется объяснить значение слова «стул», игнорируя *Правило 2*. Подобное объяснение могло бы выглядеть так: «Существует множество материальных объектов, составляющих предметы человеческого быта, но стул есть то, что не является всеми этими вещами, кроме одной – о ней я сейчас и пытаюсь вам рассказать, и эта вещь и есть „стул“». Данное объяснение абсурдно. Хотя, нужно отметить, эта тема тесно пересекается с другой важной проблемой логико-лингвистического анализа, и связана она с обсуждением *отрицательных фактов*. Скажу ли я нечто правдивое, если замечу, что в нашем мире не существует летающих кенгуру? Может показаться, что таким образом я укажу на конкретное положение дел, при котором такое явление, как летающие кенгуру, фактически замечено не было. Похожую точку зрения разделял Б. Рассел, высказываясь за позитивную ценность отрицательных фактов [9]. В конце концов «на языке можно „просто говорить“, не утверждая существование каких-либо сущностей» [10. С. 25], будто ничто не обязывает «говорящих» искать онтологическое оправдание коммуникации как таковой. Тогда пусть будет так: «В мире не существует ни одного объекта, подпадающего под понятие летающего кенгуру». Описывают ли данные слова хоть какие-то факты? Конечно, но совсем не те, о которых можно подумать в первую очередь. Кажется, факты таковы: 1) существует мир, о котором мы определенным образом осведомлены; 2) в этом мире существуют объекты, именуемые «кенгуру»; 3) о некоторых объектах этого мира принято говорить, что они «летают»; 4) о кенгуру такого говорить не принято.

И все-таки, даже в том случае, когда мы отрицаем существование чего-либо в мире, мы обращаемся к отношениям, которые могут и не случиться между вещами. Должны ли в действительности существовать данные отношения?

Проблема следования правилу

Принципиальным тут является следующий момент: о чем бы мы ни говорили, какие бы факты ни утверждали или отрицали, налицо сам факт того, что мы о чем-то говорим. Другое дело – понимать, почему мы говорим именно так, а не иначе. Стало быть, отдельный интерес в исследовании связи логико-теоретических и логико-психологических аспектов мышления представляет *употребление языка*. Для ясности рассмотрим одну из языковых игр, представленных Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях»: «Я рисую голову. Ты спрашиваешь: „Кого она должна изображать?“ – Я отвечаю: „Это должен быть N“. – Ты: „Он не похож у тебя, это, скорее, M“. – Говоря, что мой рисунок изображает N, устанавливал ли я эту связь или сообщил о ней? Тогда какая связь существовала?» [11. С. 256–257]. Действительно, а существуют ли отношения между вещами *сами по себе*, в отрыве от правил, согласно которым они нами мыслятся? Могла бы, скажем, существовать хоть какая-то реальная связь между длиной Амазонки и Янцзы, если бы нам ничего не было известно о понятии длины? Физик П. Бриджмен, отстаивающий в начале XX в. принципы операционализма, по этому поводу замечает: «Что мы подразумеваем под длиной объекта? Очевидно, мы это знаем, если можем сказать, какую длину имеет каждый предмет, а для физика больше ничего не требуется. Для того, чтобы найти длину предмета, нам необходимо проделать некоторые физические операции. Таким образом, концепция длины является фиксированной, если только фиксированными являются операции, которые используются для измерения длины: то есть концепция длины определяется не больше и не меньше, как только набором необходимых операций» [12. С. 258]. В целом данная трактовка выглядит убедительной, если не учитывать одно обстоятельство. В попытке определить понятие длины я, по логике Бриджмена, должен совершить определенные физические операции, определяющие данное понятие. Но как мне совершить операции, которые помогли бы мне определить данное понятие, если мне неизвестно, какие именно действия я должен совершить? Судя по всему, до тех пор, пока мне неизвестно, что такое «длина», любые физические операции, совершенные мной, в том числе и те, что призваны объяснять понятие длины, не объясняют ничего кроме самих себя. Иронично по этому поводу замечает Витгенштейн: «Странно было бы утверждать: „Высота Монблана зависит от того, как на него восходят“» [11. С. 313]. Что в таком случае определяет способ употребления слова «длина»: физические операции, которые ничего кроме себя не определяют, или язык, определяющий и себя, и физические операции, определяющие понятие длины? В современной аналитической философии эта проблема известна как «парадокс следования правилу».

Правило 3. Никакое отношение само по себе немислимо без соотносимых вещей (?)

Впервые сформулированный Витгенштейном парадокс следования правилу гласит: «...ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом... если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом...» [11.

С. 163]. Прежде нужно понять: не противоречит ли данное утверждение себе же? Если это не так, следует подумать, о каких отношениях сообщается в данном фрагменте.

В широком смысле правило – это описание должных действий в заданных обстоятельствах. Описание невозможно без языка. Однако и языки бывают разные: естественные и формальные, вербальные и невербальные, искусственные, классические и т.д. Соответственно, и правила могут быть записаны различным образом в зависимости от выбранного языка. Это не меняет сути дела, правила фиксируют порядок действий в заданных обстоятельствах: «При пожаре звонить 01», «Уходя, закрывайте окна», «Не стой под стрелой», \implies , \odot и т.д. Из всех правил, представленных в языке, Витгенштейн выводит одно общее: *ни одно действие не определяется правилом*. В таком случае не становится ли более общим правилом следующий принцип: *если правил как таковых не существует, то не существует и правила, в соответствии с которым следовало бы думать, что правил не существует*. Как видно, данная интерпретация неконструктивна и вновь напоминает о радикально скептической позиции, в оптиках которой сам парадокс следования правилу оказывается лишенным смысла. Попробуем взглянуть на проблему иначе.

Важно не забывать о контексте. На протяжении всех «Философских исследований» Витгенштейн возвращается к ряду вопросов, часть из которых связана с анализом таких понятий, как «значение», «понимание» и «употребление». Отчетливо просматривается следующая связь данных понятий: значение языкового выражения суть его понимание, понимание его суть умение употреблять (воспроизводить) языковое выражение. Несколько упрощенно связь эта может быть представлена так: знание невозможно без понимания, понимание – без умения употреблять это знание. Спрашивается: как мне понять, что я делаю, если делаю я только то, что знаю? Из данного противоречия вытекает другое затруднение: если я не могу определиться с тем, *что я делаю*, могу ли я быть уверен в том, что делаю я вообще хоть что-то?

В действительности говорить о правилах имеет смысл, только если подразумевается, во-первых, что эти правила будет возможно исполнить, и, во-вторых, – будет тот, кто их исполнит [13]. Когда деятельность как продукт следования правилам становится невозможной в силу отсутствия определенности относительно ее причин и результатов, то все, о чем в иных обстоятельствах уместно было бы высказаться как о деятельности, имеет место помимо всяких причин и результатов какой бы то ни было деятельности. Думая, что я поднимаю руку вверх, я вместе с тем не должен забывать, что прежде всего вверх поднимается моя рука. Действие, таким образом, если мы отказываем ему в возможности быть произвольным, суть не более чем событие, происходящее помимо всякой воли, вне всякого воления и без какого-либо участия субъекта волеизъявления. На языке «можно просто говорить», а вещи «просто происходят». Но даже в этом случае природа значения языковых выражений, описывающих те или иные события, остается неясна. Кажется, для того чтобы все сказанное человеком имело хоть какой-то смысл, ему следует сохранять веру в то, что все сказанное им хоть какой-то смысл да имеет. Неоднократно Витгенштейн задается вопросом о смысле слова «вера» и об онтологическом статусе значения этого слова. Является ли вера чувством?

А что значит «чувствовать»? Возможно ли, например, научить человека «тосковать»? Не странно ли услышать такой вопрос: «Что обязан делать “тоскующий”»? Кажется, ощущение и действие – понятия разнородные. При этом сложно представить известную убежденность без реального ее воплощения, выраженного в действии. Убежденного трезвенника никогда не встретишь с бокалом виски. Здесь нужно определиться: либо он *не* причастен тому, что *никогда* не случается по его воле, либо *всегда* по его воле не случается того, чему он вообще *не* причастен. Разночтение это интересно тем, что прямо указывает на один общий признак между двумя противоположными способами описания, а именно на *регулярность* происходящего. Тогда кстати спросить: если никакой воли и никаких убеждений в строго каузальном порядке не подразумевается, что в таком случае представляет собой регулярность в следовании тем или иным правилам? Чем в обход акционистской парадигмы считать регулярную деятельность в мире, в котором нет и не может быть «деятелей»? Событием? Но есть ли у этих событий последовательность?

Что определяет «последовательность»? Какое правило обязывает двойку следовать за единицей в натуральном числовом ряду; более того, что обязывает меня эту «двойку» искать? Положим, я формулирую для себя правило: соотносить числовые значения с кивком головы. Что мне в таком случае считать за «один» и за «два»? Если однажды, кивнув головой, я посчитаю это действие за «один», а кивнув в другой раз – за «два», как мне понять, что кивнул я один или два раза, если «один» и «два» обозначают только то, что, однажды кивнув головой, я кивнул ей снова? Получается, ничего кроме единичности из этого правила вывести я не могу. С другой стороны, определяет ли хоть что-то описание следующего вида: 2 есть то, что предшествует 3 и следует за 1? Или так: только 2 следует за 1 и предшествует 3. Будут ли границы у данного способа определения? Какое в таком случае разумное объяснение остается для *самого большого натурального числа*, которого по определению не может быть вовсе? Не следует ли из этого в строго философском смысле, что и ясного понимания «последовательности» не может быть? А если немного отвлечемся от излишнего теоретизирования и поразмыслить над тем, как осуществляется счет в действительности? Возможно ли пересчитать от 1 до ∞ ? Озаботившись этим вопросом всерьез, вскоре можно обнаружить, что задача эта не из легких. И дело даже не в том, что это невозможно в действительности, сколько в том, что это невозможно по формальным признакам правилообразования.

Правило, как уже отмечалось, фиксирует не только причины, но результаты деятельности. В чистом виде причина деятельности – событие, инициирующее действие, результат – событие манифестации действия. Деятельность, таким образом, есть последовательность событий в порядке: *причина – действие – результат*. Обозначим действие как X , причину – как Y , а результат – Z . Тогда темпоральная структура деятельности определяется общей формулой: событие $X(t')$ происходит по причине события $Y(t)$ и вслед за ним тогда и только тогда, когда $t' - t > 0$, с результирующим событием $Z(t'')$, где $t'' = t'$. Как видно из примера, деятельность не может быть безрезультатной уже только потому, что результат деятельности является одновременно ее же содержанием. В таком случае необходимо признать, что любое правилообра-

зование *ad infinitum* в силу некорректности самой постановки вопроса невозможно. Стало быть, ни о какой практической выполнимости счета неограниченной периодичности не может быть и речи, что, к слову, очевидно само по себе. Тем отчетливее просматривается мысль, что понятие последовательности требует иного – отличного от операционалистской трактовки – истолкования. Существует ли такое истолкование?

Резюме

На примере концепции чистой логики Гуссерля показано, что универсалистская трактовка познания, решая проблему релятивизма, не отвечает на вопрос о происхождении собственных оснований. Допущение корреляции между логико-теоретическим и логико-психологическим содержанием мышления оказывается фиктивным. В применении к собственным положениям априоризм гуссерлевского типа демонстрирует формальную ограниченность и эпистемологическую неполноту. Это подтверждается попыткой экспликации эпистемологических оснований логико-теоретических принципов в границах формальной элиминации, после чего вопрос о существовании универсальных принципов в познании сводится к проблеме следования правилу. Интерпретация скептического аргумента Витгенштейна указывает на несводимость логико-теоретического знания к универсальным принципам мышления. Общим выводом может быть предположение о непоследовательности универсалистских взглядов в эпистемологии.

Литература

1. Декарт Р. Рассуждение о методе. СПб., 2000. 335 с.
2. Спиноза Б. Этика. М.: Харвест: АСТ, 2001. 336 с.
3. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. 734 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
5. Гапонов А.С. Интерпретация познавательной деятельности в феноменолого-герменевтической перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 5–13.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э.А. Бернштейна; под ред. С.Л. Франка; новая ред. Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2011. 253 с.
7. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: вопрос об их эпистемологическом статусе // Scholae. Античная философия и классическая традиция. 2018. № 12.2. С. 499–522.
8. Антух Г.Г. Философия очевидности в чистой логике Э. Гуссерля // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 217–224.
9. Рассел Б. Избранные труды / пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева; вступ. ст. В.А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. ун-в. изд-во, 2009. 260 с.
10. Ладов В. А. Формальный реализм. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 132 с.
11. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
12. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии / пер. с англ.: А.В. Говорун, В.И. Кузин, Л.Л. Царук; под ред. А.Д. Наследова. СПб.: Евразия, 2002. 532 с.
13. Антух Г.Г. К вопросу о психологизме: проблема логического правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 151–158.

Gennady G. Antukh, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: g.antukh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 49. pp. 5–16.

DOI: 10.17223/1998863X/49/1

EVIDENCE, THINKING, RULE-FOLLOWING

Keywords: evidence; relativism; skepticism; logic; thinking; rule-following paradox.

The starting point of the study is the question of the origin of evidence in cognition. On the example of the concept of pure logic by Edmund Husserl, the role of evidence in the foundation of logico-theoretical knowledge is considered. The advantages of this concept are demonstrated in opposition to the relativistic interpretation of cognition. The principle of the analytic truth of identity sentences with a problematization of the distinction between pure rationality and real conditions of rule implementation is criticized. The connection between language and thinking in the context of the relativistic argument of the “late” Ludwig Wittgenstein is discussed. The results of the research show that the universalistic interpretation of cognition in Husserl’s sense resolves the problem of relativism, but does not answer the question about its own foundations. The assumption of a necessary correlation between the logico-theoretical and logico-psychological content of thinking in cognition turns out to be fictitious. When applied to its own principles, the apriorism of Husserl’s type demonstrates formal limitations and epistemological incompleteness. This is confirmed by an attempt to explicate the epistemological foundations of logico-theoretical principles within a formal self-definition. Then the question of the existence of universal principles in cognition is reduced to the rule-following problem. The interpretation of Wittgenstein’s skeptical argument points to the irreducibility of logico-theoretical knowledge to universal principles of thinking. From this, a conclusion is made about the incoherence of universalistic views.

References

1. Descartes, R. (2000) *Rassuzhdenie o metode* [Discourse on the method]. TRanslated from French by N.N. Sretensky, M.M. Pozdnev, A. Guterman. St. Petersburg: Azbuka-Klassika.
2. Spinoza, B. (2001) *Etika* [Ethics]. Translated from Latin by V.I. Modestov. Moscow: Kharvest.
3. Leibniz, G.W. (1984) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in four vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.
4. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Criticism of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
5. Gaponov, A.S. (2018) Interpretation of cognitive activity in the phenomenological hermeneutic perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 45. pp. 5–13.* (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/1
6. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Vol. 1. Translated from German by E.A. Bernstein. Moscow: Akademicheskii proekt.
7. Surovtsev, V.A. (2018) To lektion in Stoic philosophy and Sinn in G. Frege’s semantic theory: the question of their epistemological status. *Schola. Antichnaya filosofiya i klassicheskaya traditsiya – ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 12(2). pp. 499–522.* (In Russian).
8. Antukh, G.G. (2016) Philosophy of evidence in E. Husserl's pure logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 4(36). pp. 217–224.* (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/36/22
9. Russell, B. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Translated from English by V.V. Tselishchev, V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
10. Ladov, V.A. (2011) *Formal'nyy realizm* [Formal realism]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Moscow: Gnozis.
12. Schulz, D.P. & Schulz, S.E. (2002) *Istoriya sovremennoy psikhologii* [A History of Modern Psychology]. Translated from English by A.V. Govorunov, V.I. Kuzin, L.L. Tsaruk. St. Petersburg: Evraziya.
13. Antukh, G.G. (2015) To a question about the psychologism: problem of logical rule-implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 4(32). pp. 151–158.* (In Russian).